

**ШКОЛА
МЫРЯЛЬЩИКОВ**

Дмитрий ЕМЕЦ

замороженный мир

Москва 2019

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Е60

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Иллюстрация на обложке *Виктории Тимофеевой*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Замороженный мир / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Школа ныряльщиков (ШНыр, новый суперпроект Д. Емца).

ISBN 978-5-699-99984-2

Сашка сам не знает, как вышло, что он собственными руками разрушил темницу, в которой вот уже много веков был заточен древний эльб. Но когда перед тобой выбор — помочь человеку, попавшему в беду, или бросить его наедине с его проблемами, то не особо размышляешь, просто делаешь, что просят. Несколько сотен лет назад рогрик, сильный эльб, уже пытался пробить границу между мирами, чтобы в наш мир хлынуло болото. Тогда первошнырам удалось заточить его в Подземье, а теперь темница рогрика разрушена. И он способен проточить ход и впустить в наш мир болото. Можно ли остановить кого-то настолько могущественного и настолько озлобленного?

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-699-99984-2

© Емец Д.А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
					Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направление на лагерь
					Привал
					Тут переправа

Дмитрий Емец

На земле, снегу, асфальте	На коре деревя, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищен- ная от гиел
					Осторожно! Магическое минирова- ние
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязы- вать!
					Прощальный знакшныра, попавшего в беду

Мысль материальна. Но чем обеспечивается материальность мысли? Запечатлевается ли она на бумаге, остается ли в записях, затерявшихся в блоге, сохраняется ли в произнесенных и тотчас позабытых словах? Но если книгу не читают, если строки на экране не всплывают, то мысль как бы дремлет, ожидая своего часа, который, возможно, никогда не наступит. Так это или нет? Или все то, что действительно важно, никогда не потеряется, не исчезнет?

Из дневника невернувшегося иньфа

Глава первая.

ГЛИНЯНАЯ ГОЛОВА, МЕДНОЕ ПУЗО

Он огромен, как Вселенная. Все дороги ведут к Нему.

— Почему же Он не слышит наших молитв?

— Он слышит. Но исполняет лишь те из них, которые необходимы. Если бы наши желания сразу исполнялись, мы бы очень быстро охамели. Первое время как-то благодарили бы, с каждым разом все более и более кратко, а потом перешли бы на депотический тон, как капризные дети со слишком мягкими родителями: «Принеси чай! Унеси чашку! Закрой за собой дверь!»

И тогда дальнейшее движение куда бы то ни было стало бы невозможным.

Из дневника невернувшегося иныфра

Мокша Гай стоит на песчаном берегу реки у сосны, половина корней которой нависла над обрывом, и смеется. Колокольчиком заливаается. Темные кудри его вздрагивают. Две вещи можно делать бесконечно: смотреть, как Мещеря Губастый работает кузнечным молотом и как смеется Мокша. Слушать его смех можно часами, и когда Мокша замолкает, всем хочется, чтобы он засмеялся снова.

Рядом с Мокшей стоит Митяй Желтоглазый и с недоумением смотрит вслед девушке, которая быстро идет, почти бежит, по дороге к деревне.

— Чего ты? Что она сделала? — с недоумением спрашивает Митяй Желтоглазый.

Дмитрий Емец

— Да ничего, — небрежно отзывается Мокша.

— Как ничего? Она к тебе подбежала, что-то в руку всунула — и тикать! — говорит Митяй.

Мокша разжимает ладонь. В руке у него цветок ромашки.

— Да вот, — пожимает плечами он.

— Ромашку тебе подарила? Зачем?

— А кто ж ее знает? Видать, девать некуда было! — ухмыляется Мокша и небрежно бросает цветок с песчаного обрыва.

Глупые они все, эти девушки! Ломаются, краснеют, притворяются, что не замечают тебя, смотрят издали или подходят близко. Молчат или болтают. Дразнят, обижаются, задыхаются от слез, требуют с тебя обещаний и обещают сами. Да, раньше это бывало приятно! Все эти темные ночи, дальние костры за рекой, звуки доносящихся песен. Но это было раньше! Эх, если бы Митяй и все остальные знали, насколько мало его теперь интересуют девушки и насколько большие удовольствия может доставить эльб! Зарываешься в него как в подушку или кладешь себе на грудь — и вот оно, настоящее блаженство, затопливающее, всецелое, о котором никто больше не знает!

Митяй смотрит на Мокшу с укором. Ему не нравится, что Мокша выбросил цветок.

«Ага, завидуешь! Небось тебе б ромашку подарили — ты б в нее клещом вцепился!» — думает Мокша снисходительно.

Митяй некрасивый, лицо широкое. Над переносицей смешные бугорки, редко поросшие бровями. Да и ведет себя Митяй с девушками глупо, неумело. Когда нужно согласиться и поддакнуть — начинает спорить. Когда нужно приласкать — дичится. А то просто сидит и молчит как сын. Даже рябая дочь гончара, самая непри-

замороженный мир

тязательная из деревенских невест, не выдержала общества Митяя больше недели.

— Ой не могу! Моченьки моей нет! Лучшие за пастуха кривого пойду, чем за этого! — сказала она как-то вечером матери.

— Тебя, балаболку, и кривой не посватает, — сердито отозвалась мать.

Ей Митяй нравился. Он целый месяц учился у гончара делать горшки. Порвется ли в последний момент неумело вытянутая стенка или лопнет в печи — Митяй только вздохнет и начнет все сызнова. Терпеливый. Только вот все выспрашивает, какую глину взять, чтобы горшок вышел побольше и прочнее. Можно подумать, на века хочет горшок сделать. Да разве горшки бывают на века? Горшок — от ярмарки до ярмарки, сроду так велось.

Мокиша идет в пегасню. Сегодня он собирается нырять на Игрунье. На Стреле Мокише нырять как-то неудобно с тех пор, как он отдал ее жеребенка зльбу. Конечно, Мокиша ни в чем не виноват. Не он же его убил, но все равно как-то не хочется ему нырять на Стреле. Ну ее. Смотрит, глупая кобыла, будто что-то понимает и в чем-то его укоряет.

Теперь Мокиша ныряет на Игрунье. Хотя разве это нырки? В последнее время он перестал пробиваться даже за Первую гряду. Даже на приiske Скал Подковы, где он прежде безмятежно засытал под сосной на долгие часы, ему теперь жарко. Копнет десяток раз — и уже весь мокрый. Стоит дышит, вытирает пот.

Игрунья рада Мокише. Вскидывает голову ему навстречу, нетерпеливо переступает. Он треплет ее по шее. Быстро и умело седлает, взлетает — и вот уже несется к земле, ожидая мгновения, пока кобыла обхватит его своими крыльями и он сольется с ней в единое целое. Ны-

Дмитрий Емец

рять Мокша не боится. Страшен ему был только первый нырок, когда он был уверен, что разобьется вдребезги. Дрожал, откладывал, трясся. Но тогда он верил Митяю. А сейчас дружба дала трещину. А все от зависти, которую испытывает Мокша. Он знает, что Митяй ныряет теперь ко Второй гряде и подолгу ее изучает. Возвращается измотанный, с запавшими глазами, ввалившимися щеками, но наполненный неведомыми тайнами. О своих открытиях ничего не говорит. Уронит порой что-то непонятное — и замолчит. Знает, что все равно не поймут. Есть вещи, которые может открыть только сама Гряда. Словами их не объяснишь.

И другие шныры ныряют пусть не так далеко, как Митяй, но тоже в Межмирье. И Тит Михайлов, и Маланья Перцева, и даже Кика Златовласый. Этот Кика злит Мокишу больше всех. Всякому известно, что пчела прилетела за Кикой по ошибке. Большого зубоскала во всем Шныре не сыскать. И даже этот зубоскал Кика легко перелетает Первую гряду. Говорит, что в скальных трещинах сверкают искры живых закладок. Врет, конечно.

Ну зачем пчела призвала Кикку? За какие заслуги? Был как-то Мокша на княжьем дворе, видел у персидского посла зверя диковинного. Имя тому зверю опица. На беса похож с хвостом, да только без рогов. Бегаёт по плечам у посла, кривляется, орехи грызет. Вот эту бы опицу скалозубую пчеле позвать вместо Кики — и то бы лучше.

Мокша летит по дряблему Межмирью. Другие обычно набирают здесь побольше воздуха, Мокша же, напротив, все больше привыкает к запахам болота. Если узнать их получше, они, пожалуй, даже приятны. Да, поначалу перехватывает дух, точно ты провалился в старую выгребную яму, слезу вышибает, начинаешь задыхаться, кашлять. Но это поначалу, а там эльбы такое тебе покажут, что уже не думаешь о вони.

замороженный мир

Вот и сейчас, нырнув в проточину в болоте, Мокшиа осторожно вытягивает ноздрями щекочущий запах — и сразу же видит своего врага Кика, который, прокравшись, старается подпороть ножичком кожу на новом седле Мокшии. При этом Кика стоит очень неудачно. Достаточно ногой его слегка толкнуть, чтобы он опрокинулся. Правда, для этого нужно вытащить ногу из стремени.

Мокшиа усмехается.

— Ну не ослы ли? Вначале ногу из стремени, потом впускают, что нужно повод отпустить, — и вот ты уже засел в болоте! А там и Кика окажется не Кикой и выосет тебя до капли! — говорит он Изгунья.

Кобыла несется по проточине. Вокруг все кипит. Эльбы прилипли к стенкам серыми блинами. Некоторые паутинки протянулись поперек. Ну ничего, эти Изгунья разорвет грудью. Другие свободно трепещут в воздухе. Эти самые опасные. Они долго тянутся за тобой и как-то так вплетаются в твои мысли, что не отличишь, где свои, а где чужие. И не заметишь, как тебе покажется, что тоннель впереди искривился или навстречу несется другой шныр! Встречный, который с двушки возвращается! Дернешь в панике повод, чтобы не залитнуть, — и прямиком окажешься в болоте.

Но Мокшиа и такого обмана не страшится. Отличать свои мысли от чужих, охотничьих, Мокшиу научил его эльб. Боится, как бы не засел Мокшиа в болоте, не достался его голодным братцам. Слишком еще зависим он от Мокшии, слаб, человеческий мир ему непривычен. Ползает эльб еле-еле, за час едва одолеет полсотни шагов, да так устанет, что распластается по земле и дрожит.

Ожирелый, похожий на срез несвежего сала, эльб таится в старом бочонке в подвале. Мокшиа надеется, что

Дмитрий Емец

никто в тот подвал не спустится. Подвал заброшенный, сырой, на стенках многолетняя плесень. Ночами Мокша спускается в подвал и сразу бежит к элю. Пальцы его трясутся от нетерпения. Эльб вначале посылает ему волну поощрения — не слишком сильную, чтобы не выжечь Мокшу, а потом уже учит его. С Мокшей он возится почти любовно. Хотя кто-то, возможно, скажет, что любовь — это деятельность, направленная на благо, а для эльба Мокша — и нянька, и добыча, и инструмент, и раб, и слуга. Точно царь с единственным подданным. Только от Мокши эльб зависит. Погибнет Мокша — погибнет и жирная медуза в бочке.

Но как быстро Мокша стал обучаться! Новые знания схватывает на лету. И тело его изменяется. Он может неделями не спать и не есть, а в кулачном бою дважды прошел сквозь стенку здоровенных приказчиков из мясного ряда, не пропустив ни одного удара, даже не взмокнув. И долго потом лицемерно благодарил пыхтящего, многочисленными ссадинами покрытого Гулка Ражего за то, что тот его «оборонил».

Игрунья спешит, загребает крыльями как веслами, взмокла вся от усилий. Ей не нравится, что хозяин то и дело намеренно задевает паутинки ладонью и при этом хохочет как безумный, наслаждаясь тем, что не поддался на ловушки эльбов. Игрунья — пег. Ею управляют простые инстинкты. Есть, спать, избегать опасностей, зачать и сохранить жеребенка. Болото для нее смерть, и разбираться в его тайнах она не пытается.

Но вот уже впереди забрезжила светлая точка. Игрунья издает радостное ржание. Она выходит из тоннеля, оказывается у накрененных сосен в предрассвете и нетерпеливо устремляется к гряде, где на горных полянах такая вкусная трава, но Мокша властно натягивает поводья, и, ощутив боль от удил, кобыла повинуется.

замороженный мир

Они садятся. Тут тускло, темно, и запахи болота сильны. Это еще явно и не двушка, а какое-то предожидание. Точно холодной зимой видишь набухшую на ветке почку. Почка уже чувствует весну, а ты еще нет.

Мокша стреножит Игрунью и привязывает ее к кривой сосне с сухой вершиной. Сосна так устала тянуться к центру мира, что высохла. Живых сосен здесь единицы, они начинаются дальше. Мокша задумывается. Что-то у него не стыкуется. Значит, прежде света тут было больше, если сосны вообще смогли вырасти? А если больше, то получается, что болото наступает? Интересно, прав ли Митяй, когда утверждает, что и сюда когда-то хлынет прорвавшийся из-за гряды свет, а не только далекие его отблески?

— Вечно Митяй... «Митяй сказал», «Митяй сделал»... Да пошел он! — недовольно морищится Мокша, не замечая, что разговаривает сам с собой.

Он медленно прохаживается по земле, покрытой хвоей и отслоившимися кусками коры. Здесь приграничье, и как во всяком приграничье — острое ощущение тревоги. Разделяющая черта между двушкой и болотом — странная черта. У нее свои законы. Например, невозможно коснуться границы. Ощупать ее как стену, как реальную преграду. Границу можно преодолеть только с разгона, иначе будешь бесконечно вдвигаться в ночь, все более густую, непроглядную, но стены так никогда и не коснешься, не нашьаришь.

Мокша долго не понимал, как такое может быть, — что граница есть, а ее нет, — пока Сергиус Немов не объяснил ему.

— Смотри! — сказал он, поводя длинной тощей рукой сверху вниз. — На пеге ныряешь, в землю врезаешься — где ты?

— В дряблом мире!

